

2. Чумичева О.В. «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая соловецкая челобитная (взаимоотношение текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 59–69.

3. Гурьянова Н.С. «Книга» Геронтия Соловецкого // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 3–21.

4. Описание рукописного отдела БАН СССР. Л., 1984. Т. 7, вып. 1: Сочинения писателей-старообрядцев XVII века / сост. Н.Ю. Бубнов.

5. Бубнов Н.Ю. Работа древнерусских книжников в монастырской библиотеке (источники соловецкого «Сказания о новых книгах» 1667 г.) // Бубнов Н.Ю. Книжная культура старообрядцев. СПб., 2007. С. 67–77.

6. Бубнов Н.Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне / автор-сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2006.

7. Крутова М.С. Книга глаголемая: семантика, структура, вариативность названий русских рукописных книг XI–XIX вв. М., 2010.

8. Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.): тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981.

9. Савельева Н.В. Стихотворная антология «Предисловия многообразна...» (вопросы атрибуции и истории текстов в связи с деятельностью московского Печатного двора 30-х – начала 50-х годов XVII века) // Книжная старина: сб. науч. тр. СПб., 2008. Вып. 1. С. 94–189.

10. Сазонова Л.И. Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой половины XVII в. (борьба за национальное единство) // Русская старопечатная литература (XVI–первая четверть XVIII в.): тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 129–152.

11. Сазонова Л.И. Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой половины XVII в. (особенности литературной формы) // Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.): тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 153–187.

12. Гурьянова Н.С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007.

13. Демидова Л.Д. «Христианоопасный щит веры...» инока Авраамия и идеология раннего старообрядчества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2013.

14. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973.

15. Rothe H. Zur Kieve Literatur in Moskau II // Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistencongress in Kiev 1983. Köln, 1983. S. 417–434.

16. Кормчая. М., 1653.

17. Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958.

18. Толковая Библия или комментарий на все книги Св. Писания Ветхаго и Новаго Завета / изд. преемников А.П. Лопухина. Стокгольм, 1987. Т. 8: Евангелие от Матфея.

19. Беляева О.К. Полемические сборники и сочинения старообрядцев дьяконовского согласия (некоторые предварительные замечания) // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 211–226.

20. Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872.

21. Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: в 2 т. М., 2008. Т. I.

Статья поступила
в редакцию 03.04.2013

УДК 94(47).07+930.85

М.В. ПЕРШИНА

ТЮМЕНСКИЙ СТАРООБРЯДЕЦ И.Р. ЛЕГОСТАЕВ И РУССКИЙ ХРОНОГРАФ 1620 г.*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: masha@perchine.com

В статье рассматриваются источники космогонических и исторических представлений тюменского старообрядца И.Р. Легостаева. Сделан вывод, что в основе его повествования о сотворении мира лежат тексты вводных статей к Русскому Хронографу 1620 г.

Ключевые слова: старообрядчество, традиционализм, христианская история, Хронограф 1620 г.

В литературе Древней Руси важное место занимали хронографы – компилятивные сборники, в состав которых входили сочинения по всемирной истории, сведения географического и естественнонаучного характера [1, с. 3]. В Новое время хронографы активно использовались старообрядцами, ориентированными на сохранение древнерусской культуры и книжности. Особенно ценными они оказались для авторов исторических сочинений, которые начинали повествование «от начала мира», вписывая события современной российской истории (и своей общины, в частности) в поток истории Священной, христианской [2]. На Выгу существовал целый культурный проект по созданию исторического сочинения от Сотворения мира «до осомнадесятого века» с ис-

*Статья подготовлена в рамках проекта программы Президиума РАН № 33.4.1.

пользованием различных «хронографов и летописцев» [3, с. 208]. К таким культурным проектам можно отнести и комплекс сочинений тюменского старообрядца Ивана Родионовича Легостаева, созданный им в 1840-е гг. и озаглавленный «Беседословие, избрано из разума Священнаго Писания и от Бытия, в начале от Гранографа Георгия Посиды о миробытии, посем иных истолкованных богословских умств о случаях последнего времени и обыскательное любомудрие о вере в пользу сыновом Сиона»¹. В «Беседословии» тюменский писатель последовательно описывает основные вехи христианской и русской истории, обращая особое внимание на проблему «последнего отступления», которое, с его точки зрения, произошло в России после церковной реформы патриарха Никона. В конце автор поместил рассказ о своей личной судьбе, описав свой путь страдания за веру и древнее благочестие [4].

Большой интерес представляет вопрос о том, какими источниками мог пользоваться старообрядец при написании первой части своего объемного труда, повествующей о шести днях божественного творения и начальных вехах библейской истории. Сам И.Р. Легостаев в заглавии сочинения указал, что наряду с библейской книгой Бытия одним из источников для него послужил «Гранограф Георгия Посиды». Шестоднев византийского писателя и гимнографа Георгия Писидийского мог быть известен тюменскому старообрядцу по Великим Четым-Минеям или по Русскому Хронографу «третьей» редакции (не ранее 1620 г.), куда он был включен в качестве одной из вводных статей [5, с. 169]. Несмотря на указание самого автора, прямых заимствований текста из Шестоднева Георгия Писиды обнаружить не удалось. Скорее всего, писатель-старообрядец в данном случае имел в виду Хронограф 1620 г., в который, кроме Шестоднева Георгия Писиды, было включено несколько древнерусских сочинений о божественном миротворении. Знакомство старообрядца с этими текстами отчетливо прослеживается в «Беседословии».

Начало сочинения И.Р. Легостаева почти дословно совпадает с первыми строками «Послания к князю Василию», открывающего список вводных статей к Хронографу 1620 г.:

«Беседословие» Легостаева	«Послание к князю Василию»
Начинаему словеси ищи от Бога начати и о Бозе кончати. Добро бо от Бога к божию слуге начати. О сотворении небеси и земли и вся твари. Бог есть надо всеми веки, и прежде бытия вся твари, иже есть сый неслиянный и нераздельный трети естества. Трое един и един трое ² .	Начинаему словеси ищи от Бога начати и о Бозе кончати. Добро бо от Бога к божию слуге начати. Бог есть надо всеми веки, и прежде бытия вся твари, прежде света разумнаго, присно в себе сый свой имьи ум, бе присно ум светел. А ино ничтоже не бе. Се единство триедино сущно ³ .

Поясняя читателям мысль о триединстве Бога, Легостаев обратился к древнерусскому сочинению XVII в. «О сотворении седми дней и всего мира»⁴, также входящему в состав вводных статей к Хронографу 1620 г. и помещенному вслед за «Посланием к князю Василию». Из подробного изложения догматического учения о Троице внимание старообрядческого автора привлек только фрагмент текста, в котором подчеркивалась определяющая роль Троицы-Творца в процессе мироздания: «Помысл делу был Отцу убо помыслившу, Сынови же свидетельствовавшу и Духове совершившу»⁵. Легостаев поместил эту цитату, изменив несколько слов: «Еже Отцу помыслившу и Сыну сотворившу, Духу Святому совершившу»⁶.

Из этого же сочинения старообрядец заимствовал образ «живой глубины» или «живого слияния», который позволил ему описать состояние, предшествовавшее божественному творению: «Егда мир не бысть, что тогда было? Живая глубина или живое слияние и Дух Божий ношашеся верху воды»⁷. В древнерусском сочинении образ «живой глубины» объяснялся так: «Где стояше Сам [Бог] прежде, неже мир бе сотворен? Тогда не бе ино кроме тмы, яже именуемо хаос, еже есть слияние. За не тогда беша четыре составы вместе слияны живы. Хаос убо протолкуется жива глубина слияма или слияние, или мрак, или слияние вещей, сиречь или в нем же вся быша слияна»⁸. Старообрядец не стал пояснять читателю смысл символа «живой глубины». Очень кратко охарактеризовав таким образом изначальное состояние мира, Легостаев перешел к описанию дней божественного творения.

При повествовании о втором дне он использовал древнерусский «Шестодневек вкратце о сотворении небеси и земли и вся твари», также входящий в состав вводных статей Хронографа 1620 г.

¹ Российская национальная библиотека (РНБ), О. I. 491. Л. 58–133 об.

² РНБ, О. I. 491. Л. 57–58 об.

³ Библиотека Академии наук (БАН), Арханг., Д. 425. Л. 2. Описание рукописи см.: [6, с. 218–202]. Выражаю благодарность Т.В. Панич за предоставление микрофильма этой рукописи. Подробно о сочинении «Послание к князю Василию» см.: [5, с. 153–154].

⁴ Об этом сочинении см.: [5, с. 154–169]. Как установила Н.В. Савельева, в основу этого текста был положен один из списков Слова о Троице [7, с. 571].

⁵ БАН, Арханг., Д. 425. Л. 10 об.

⁶ РНБ, О. I. 491. Л. 58 об.

⁷ Там же. Л. 58 об.–59.

⁸ БАН, Арханг., Д. 425. Л. 9 об.

«Беседословие» Легостаева

Во второй день сотвори Бог един мир на два мира, сего и будущего. Унижает ниже импирийского неба, и сего ниже унижает второе небо, сотвори и яко хрусталь камень. И остави выше небес воду и ниже небес воду. И повеле в водах быти земле. И бысть утро день второй⁹»

«Шестодневек вкратце...»

Во вторый день [в понедельник] восхоте Бог един дом на два мира строити, сего и будущего. И преполовляет высоту от земли и творит другое небо. От воды утверди да будет твердь, разделяющей воды. И абие згустися ледовиднии состави яко хрусталь-камень, понеже бо от житких и слабких вод то утверди... И раздели воды, овы превыше тверди постави, овы же под твердию на земли¹⁰.

Особое внимание Легостаев обратил на сотворение небесных светил, поместив сведения о траектории их движения и размерах. При этом автор опирался на уже упомянутое нами сочинение «О сотворении седми дней и всего мира», поскольку там эта тема была разработана достаточно подробно:

«Беседословие» Легостаева

Круг Луне первое небо, круг Солнца второе небо, а звездам различно кругообращение имети повелено зиждителем в третьем импирийском небе.

Но Луна подобна величеством Земле. А почему так показывается мала? Умалает ю зельная высота. А Солнце вдвое более Луны. А почему так показывается подобно величеством Луне? Вторая зельная высота и умалает. А звезды подобны солнцу. А почему так малы? Третья зельная высота умалает их, и так малыми являет¹¹.

«О сотворении седми дней и всего мира»

А колико суть небес? Небеса суть трои: едино есть от Земли до Луны, второе есть от Луны даже до звезд, третье есть над твердию и бе имянуемо огненное небо, на том есть Бог сам со всеми святыми своими.

Солнце звезда вдвое Луны обличеством, только велика и широка и прочие все тако же. И како убо нам мнятся убо звезды толь малы быти. Сие бо творит зельная высота¹².

Обращает на себя внимание тот факт, что тюменский писатель в своем «Беседословии» подробно остановился на освещении христианских космогонических представлений. Возможно, внимание автора к этой теме связано с тем, что в Новое время в связи с широким распространением естественнонаучного рационалистического мировоззрения традиционную картину мира стали ставить под сомнение уже и в старообрядческой среде. Более явно эта проблема проявилась во второй половине XIX в., руководитель одной из тюменских старообрядческих общин написал даже отдельное сочинение, в котором критическому разбору с христианских позиций подверг книгу американского астронома О.М. Митчелла «Небесные светила, или Планетные и звездные миры» [8].

Легостаев в своем «Беседословии» не вступал в полемику с представителями нового мировоззрения, он стремился убедительно и доступно изложить читателю традиционные христианские представления о происхождении мира, чтобы укрепить их в вере. Для этого он не только использовал древнерусские тексты, но и смело вводил образы, основанные на личных бытовых наблюдениях. Например, объясняя, почему звезды видны людям только в ночное темное время, он исходил из следующих соображений:

А для чего днем не освещают, а нощию? Подобно тому, иже во время полуденного сияния аще будут в горнице многия горящии свещи, то не издадут озарения скрость стекол, ибо уничтожает дневный свет. Аще ли же в нощи будет горящая хотя одна свеща, так и издали видно в стекло издаемое озарение. Подобне и звезды в начаток нощи сквось два неба как скрость два стекла освещают и озаряют разною своею славою живущих на земли¹³.

Возможно, в данном случае на подобные сравнения автора вдохновил фрагмент из Толковой Палей:

Убо и где далече сильным пожаром горящим травам или тростию горящю, далече сушим им, дньню пламени их невидно видети; пришедше же нощи, тогда заря их яве бывает пред очима нашими [9, с. 57].

Творческий подход тюменского старообрядца к древнерусским космогоническим сочинениям ощущается даже в тех случаях, когда он помещал близкие к древнерусскому тексту цитаты. Ярким примером является описание образа яйца:

⁹ РНБ, О. I. 491. Л. 59 об.–60.

¹⁰ БАН, Арханг., Д. 425. Л. 90–90 об.

¹¹ РНБ, О. I. 491. Л. 60 об.–61.

¹² БАН, Арханг., Д. 425. Л. 24–25 об.

¹³ РНБ, О. I. 491. Л. 61–61 об.

«Беседословие» Легостаева

Всесильного Бога творение применено к яйцу. Скорлупа – небо и нижнейшая земля, пелера – облацы, желток – земля, а сырость в желтке – в мире грех. Сего ради в день Воскресения Христова червленым яйцом христосуемся, глаголюще един ко единому: «Христос Воскресе! Воистину Воскресе!» Сим исповедуем, яко творец мира Иисус Христос всю тварь обнови страданием и Воскресением своим¹⁴.

«О сотворении седми дней и всего мира»

По всему подобно небо и земли яйцо пременено ко всей твари. Скорлупа аки небо, плева аки облацы, белок аки вода, желток аки земля, а сырость посреди яйца аки в мире грех. Господь наш Иисус Христос воскрес из мертвых, вся тварь обнови честною своею кровию, яко же яйцо изгустит. Того ради на Воскресение Христова друг друга целуем с червленым яйцом. Един рече: «Христос Воскресе!» Отвещает другой: «Воистину Воскресе!»¹⁵.

В сочинении «О сотворении седми дней и всего мира» образ яйца использован при описании третьего дня Божественного творения для объяснения основ мироздания. Старообрядческий писатель поместил данный фрагмент, описывая тартар, в который был низвергнут падший ангел. В «Беседословии» вставка о яйце разрывает, на первый взгляд, связанное повествование, но в этом можно увидеть свою логику – автору было необходимо акцентировать внимание читателя на возможности спасения и обновления мира благодаря жертве Христа. Образ яйца стал для него не только символом мироздания, но и символом спасения и искупления, и именно эту мысль ему важно было донести до читателя.

Мотив жертвы Христа последовательно развивается в «Беседословии...» далее. В рассказ о сотворении первого человека включено описание пророческого сна Адама. Адам следующим образом пересказывает Богу содержание своего сна: «Видех тя, Господи, среди мира на кресте распята над моим лбом, и Матерь Твою, стоящу и плачущу, и ученики с ней. И видех апостола Петра и Павла, грядущих в Рим, а Богослова во Ефес»¹⁶. Старообрядцу важно было подчеркнуть предопределенность животворящей жертвы Христа и спасения в будущем для самого Адама.

Самое трагичное и напряженное место в изложении шестидневного миротворения — тема первого греха и изгнания из рая. Библейский текст автор сопроводил собственными эмоциональными комментариями:

И рече Бог ко Адаму: Адаме, Адаме, где бе и почто сокрыхся? И рече Адам: Я наг, Господи. Кто тебе сказал, что наг еси? И почто от неповеленнаго ял еси? Велие есть Божие человеколюбие! Вместо иже бы рекл: Проси, Адаме, прощения! Но завистник удачно прельстил не исполнить заповедь безсмертия, влагая Адаму отпираться от вопрошающего Бога, рече: Не сам, но жена мя прельстила, вместо иже бы рекл: Жену юже ми еси дал, та мя на се склонила. Оставляет Бог Адама, вопрошает Евву: Евва прочто от неповеленнаго яла еси? Вместо сказать, поне ты проси прощения, но и Евва рече: Змия мя прельсти¹⁷.

Мотива о возможной спасительной силе покаяния сразу после совершения греха нет ни в Библии, ни в тексте вводных статей к Хронографу 1620 г. Сердечная боль и острые душевные переживания автора чувствуются при упоминании о том, что вместо искреннего раскаяния и просьбы о прощении Адам стал перекладывать вину на Еву, а Ева на змию.

По логике последующих глав Хронографа 1620 г., после изложения концепции шестидневного миротворения И.Р. Легостаев переходит к изложению дальнейшей истории человечества. В Хронографе каждому из библейских событий была посвящена целая глава. Старообрядческий писатель явно опирался на эти тексты, но не стал копировать главы, выписывать из них цитаты или пересказывать отдельные фрагменты. Он ограничился перечислением основных вех библейской истории, представив их как результат противоборства божественных и дьявольских сил, света и тьмы, добра и зла. Он упомянул о грехопадении Адама и Евы, убийстве Авеля Каином, всемирном потопе, строительстве Вавилонской башни, египетском плене «народа Израилева», жизни и смерти Иисуса Христа, которая, согласно христианскому мировоззрению, была кульминационным моментом истории. Каждый новый сюжет писатель вводил, предварив его фразой: «Горе, тебе, диаволе». В качестве примера такого авторского приема приведем соответствующий фрагмент «Беседословия»:

Горе тебе, диаволе, иже льщением своим сосудом змия лишил еся рая жители.

Горе тебе, диаволе, иже послушна обрел себе Каина убийцу брата его Авеля.

Горе тебе, диаволе, иже от Каинова рода умножил еси послушных твоего льщения сынов противления Богу, и исказил Сифов род.

Горе тебе, диаволе, иже за твое льщение низпослался Божии с небеси гнев на беззаконноживущии на Адамов род и истопоша в водах зельных потопа...¹⁸

¹⁴ РНБ, О. I. 491. Л. 63 об.–64.

¹⁵ БАН, Арханг., Д. 425. Л. 14 об.

¹⁶ РНБ, О. I. 491. Л. 65 об.–66. Ср.: «И вложи Бог сон во Адама и успе. И рече ему Господь: Что еси видел? Адам же рече к Господу: Видех, Господи, Петра апостола в Рим идуща, а Павла апостола в Дамаск, а Иоанна во Ефес, а тебя, Господи, видех на кресте во Иерусалиме от жидов распинаема над моим лбом» («Шестодневек вкратце...»). – БАН, Арханг., Д. 425. Л. 96 об.).

¹⁷ РНБ, О. I. 491. Л. 70–70 об.

¹⁸ Там же. Л. 87–87 об.

Восклицание «Горе тебе, диаволе!» выступало смысловой доминантой, направляя внимание читателя, подерживая постоянное эмоциональное напряжение и придавая историческому повествованию форму духовного стиха. Вполне возможно, что эту устойчивую формулу старообрядческий писатель заимствовал из «Слова о святых иконах», написанного в первой половине IX в. в разгар борьбы с иконоборческой ересью в Византии. Этот топос встречается и в народной, апокрифической литературе. В качестве примера приведем новозаветный апокриф «Прение Господне с диаволом». Вложенная в уста Христа, противостоящего искушениям дьявола, эта фраза утверждала непоколебимую веру в конечную победу Божественного начала в вечном поединке добра и зла: «И говорит ему (дьяволу. – М.П.) Исус: “Горе тебе, диаволе, яко прелестник еси всем человекам – посрамить тебя имею”» [10, с. 282–288].

Но если в народном апокрифе восклицание «Горе тебе, диаволе» носит оттенок сожаления, то у тюменского писателя оно звучит как заклинание, сила которого возрастает с каждым новым повторением. Двадцатикратное повторение устойчивой формулы «Горе тебе, диаволе!» придавало особую значимость авторским рассуждениям, поскольку внимание читателя таким образом акцентировалось на борьбе добра и зла, изначально присущей земному миру. Повторив эту формулу в последний раз, он совершил переход от изложения событий всемирной истории к российской, сделав акцент на «последнем» времени, связанном с воцарением антихриста: «Горе тебе, диаволе, иже сам по поущением Божии бысть освобожден темниц адовы по 1000-щи лет. Увы, начало Рим со всеми западными странами. Горе, Москва, конец! Тобою, Титин, весь мир опровержен бысть»¹⁹.

Поразительной по воздействию на читателя авторской находкой является контраст победной интонации обращения «Горе тебе, диаволе!» и наполненного трагизмом и эсхатологическими ожиданиями причитания «Горе, Москва, конец!», завершающего данный тематический раздел и задающего тему и тональность дальнейшей проповеди И.Р. Легостаева. С помощью этой фразы автор отсылал читателя к средневековой концепции «Третий Рим» (в старообрядческом варианте), обратив внимание на ее эсхатологическую направленность.

Таким образом, в основе повествования И.Р. Легостаева о шестидневном творении мира и начальных веках библейской истории лежал Хронограф «третьей» редакции (1620 г.). Старообрядческий автор активно использовал тексты вводных статей к Хронографу – «Послание к князю Василию», сочинение «О сотворении седми дней и всего мира», «Шестодневец вкратце о сотворении небеси и земли и всея твари» и последующие главы Хронографа. Эти тексты определили логику его повествования, стали источником ярких образов и цитат, которые автор чаще всего приводил не дословно, а в собственном пересказе, творчески их переработав. Это наводит на мысль о том, что старообрядец был настолько хорошо знаком с Хронографом, что свободно цитировал по памяти. Он не ставил себе цели точно повторять тексты древнерусских сочинений, а пересказывал прочитанное, стремясь доступно изложить традиционные представления о мироустройстве и начальной христианской истории своему читателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Творогов О.В. Древнерусские хронографы. М., 1975.
2. Гурьянова Н.С., Крамми Р. Историческая схема в сочинениях писателей Выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII–XX века). М., 1994. С. 120–138.
3. Гурьянова Н.С. О сборнике, составленном Мануилом Петровым // Рукописи XVI–XX вв.: исследования и публикации. Новосибирск, 2013.
4. Перишина М.В. «Духовное завещание» Ивана Родионовича Легостаева // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 23–26.
5. Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып II.
6. Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М., 1959. Т. 3, вып. 1.
7. Савельева Н.В. Космологическая компиляция «Слова и Святой Троице» и ее бытование в составе древнерусских сборников // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 557–585.
8. Мосин А.Г. «Анти-Митчелл» – памятник полемической мысли крестьян Зауралья конца XIX в. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 300–306.
9. Палея Толковая. М., 2002.
10. Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. II.

Статья поступила
в редакцию 21.03.2013

¹⁹ Там же. Л. 95.